

Ольга Висмут

Мой
КРИМИНАЛЬНЫЙ
Босс

Мои любимые боссы

Ольга Висмут

Мой криминальный босс – 2

«Автор»

2023

Ольга Висмут

Мой криминальный босс – 2 / Ольга Висмут — «Автор»,
2023 — (Мои любимые боссы)

Восемь лет назад Павел Островский бросил меня, даже не узнав о ребенке. Такое предательство ни забыть, ни простить. Спустя годы мы встретились вновь, когда я искала работу. Только теперь у него беременная невеста, а я собираюсь замуж за другого мужчину. Единственное, что у нас общее, это дочь. А еще страсть, которая вспыхнула между нами, едва мы остались вдвоем. Но я даже не представляла, чем это все обернется, и что мы с дочерью станем целью номер один для его врагов.

© Ольга Висмут, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Висмут
Мой криминальный босс – 2
Первая книга здесь: ["Мой криминальный босс"](#)

Глава 1

Надо было почувствовать неладное еще утром, когда Леша позвонил и сказал, чтобы я ничего не планировала на вечер и надела лучшее платье. Мол, у него для меня сюрприз. Прошел всего месяц, как я дала согласие с ним встречаться. Он оказался ненавязчивым, не торопил события, всегда был предельно милым и обходительным.

В общем, такой подставы не ожидала...

Красная бархатная коробочка в его ладони появляется будто из ниоткуда. Жестом фокусника Леша открывает ее и опускается передо мной на колени.

– Выходи за меня замуж.

Я замираю, потрясенно хлопая ресницами.

Не знаю, что ответить. На нас устремляются взгляды с соседних столиков. Мы находимся в ресторане, самом фешенебельном в нашем городе.

Прижимаю пальцы ко рту, пытаюсь сдержать нервный выдох.

– Л-леша, – выдавливаю через силу.

Нужно что-то сказать... Но что? Отказать – значит обидеть хорошего человека. Согласиться? Ох... я не готова.

А он смотрит так, будто я самая прекрасная женщина на свете. Теряюсь под этим взглядом. Месяц – слишком короткий срок, чтобы забыть о прошлом.

– Я... – начинаю и тут же замолкаю.

Слова застревают в горле.

На меня с любопытством смотрят посетители ресторана. Леша улыбается, но в глазах застыло нетерпение. Нужно дать ему хоть какой-то ответ.

А мне хочется провалиться под землю. Я не привыкла быть в центре внимания, вот как сейчас. Чувствую себя просто ужасно. Кто-нибудь, ущипните меня...

– Тань? Ты меня слышишь?

Не нахожу ничего лучше, чем просто кивнуть.

Леша понимает это по-своему.

– Понимаю, это очень важный шаг для тебя. Можешь сейчас не отвечать, – он берет меня за руку.

Холодный металл скользит по пальцу. Мой размер. Леша угадал с этим. Я заворуженно смотрю на кольцо на своем пальце.

– Но я буду самым счастливым человеком на всем свете, если ты примешь этот подарок, – продолжает парень и, поднявшись, целует меня в щеку.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не отстраниться. Меня окутывает запах его духов, но я понимаю, что это не то. Терпеть не могу парфюм Леша, он вызывает у меня головную боль и тошноту. Но и сказать ему об этом не могу. Боюсь обидеть.

Он с улыбкой садится на место.

Я выдыхаю.

– Леш, прости, мне надо подумать, – говорю наконец. – Это было очень... неожиданно.

К моему счастью народ вокруг уже вернулся к своим тарелкам.

– Да, конечно, Танечка, – отвечает он.

Не Танюша. Почему-то вечно сравниваю его с Островским. Хотя уже пора смириться, что дорога туда закрыта. У него другая семья, беременная невеста. Мне там места нет и не будет.

Леша протягивает бокал.

– За нас, – в его улыбке сквозит облегчение.

А я теперь понимаю, почему он пригласил меня именно сюда. Столик на двоих, красная скатерть, белоснежные салфетки, ароматические свечи... В центре стола – ваза с живыми цветами, это редкость для ноября.

Зал тоже выглядит очень презентабельно. Вся мебель и стены из натурального дерева, на небольшом возвышении играет струнный квартет, там же молодой человек поет хиты прошлых лет.

Я чувствую взгляд Леши, но делаю вид, что смотрю на певца. Потому что не знаю, как выкручиваться. Резко отказывать не хочу, но мы всего лишь месяц встречаемся. Рано еще говорить про “замуж”!

После той эпичной сцены в кабинете Островского, я не могла оставаться в компании. Поэтому в тот же день написала заявление об уходе по собственному желанию. Да, сделала это на эмоциях, но не жалею. И да, Паша пытался меня остановить. Даже опустил до угроз и шантажа, типа “тебя никто не возьмет на работу”.

Но мне было все равно. Я готова была на что угодно, лишь бы оказаться от него как можно дальше.

Мне нужно было зализать свои раны. А сделать это в “Шарпonte”, где предмет моей боли постоянно перед глазами – я не могла.

Но и уйти в тот же день мне не дали. По закону я должна была отработать еще две недели. Пришлось скрепя сердце ходить на работу.

Паша, к моему облегчению и тайной обиде, больше не возвращался к тому разговору. Не настаивал, что мы должны быть вместе, да и вообще, даже общаться перестали. За все время виделись пару раз – случайно столкнулись у лифта. И, конечно, с ним была неизменная Света. Слегка поблекшая от раннего токсикоза, но как всегда высокомерная и самодовольная. И оба раза они обсуждали мебель в детскую или результаты УЗИ.

Я тогда предпочла сделать вид, что не слышу. Но сердце сжалось от боли.

Единственное, от чего Паша не отказался, это от дочери. Он продолжает общаться с Лелькой. Выглядит это так: мне на телефон приходит лаконичное СМС, к какому времени подготовить ребенка и где ее заберут. Потом приезжает машина с молчаливым водителем. Я уже знаю, его зовут Семен. Загружаю ему Лельку, сумку с учебниками и домашним заданием. Целую и прошу обязательно позвонить, как доедет.

Поначалу думала, что Пашу отпугнут родительские обязанности. Но нет, к моему удивлению он занимается с Лелькой. Гуляет, делает уроки...

Ну, если никто не звонит ему по работе.

Отношения у них налаживаются, но я не могу расслабиться. Меня преследует мысль, что Паша просто играет в отца и однажды ему это все надоест.

Например, когда родится их со Светой малыш.

Она, кстати, была ошарашена, узнав, что у ее жениха уже есть ребенок. Скрыть это оказалось невозможно, ведь он брал Лельку к себе домой.

Одна радость, что по офису слухи не поползли. Хотя Надя о чем-то догадывалась еще на турбазе.

Пока я обрабатывала те злосчастные две недели, ко мне подошел Белецкий и предложил перейти к нему в офис. В том же здании, только этажом ниже. Сказал, ему нужен администратор на рецепцию. Я подумала и согласилась: работа рядом с домом, а менять квартиру и снова переезжать очень не хочется. А то, что с Пашей в одном здании, ну так постараюсь не попадаться ему на глаза – вот и все.

Но сейчас придется вернуться к большому вопросу...

– Леш, я должна сказать тебе кое-что... – начинаю, ковыряя еду в тарелке. – Раз уж наши отношения могут зайти так далеко...

Рука Леши опускается на мою.

– Конечно, Танечка.

– Я должна кое в чем признаться, – как же трудно выдавить из себя пару слов!

– Не переживай, мне ты можешь сказать все что угодно, – подбадривает Леша.

И смотрит так выжидающе.

– Я по поводу Лельки.

– Ничего страшного. Она прекрасная девочка. И не надо ее отправлять каждый раз в деревню на выходные. Я буду рад познакомиться с ней поближе.

Жар приливает к моим щекам.

– Дело не в этом, – продолжаю, опустив взгляд в тарелку.

– А в чем?

– Ольга – дочь Островского.

Леша замирает. Его брови лезут на лоб. На лице мелькает смесь удивления и досады. Но он быстро берет эмоции под контроль.

– Ты не шутишь? – спрашивает, пристально глядя на меня.

– Нет. Восемь лет назад мы едва не поженились.

Леша отводит взгляд. Между его бровей залегает складка, а пальцы нервно мнут край салфетки.

– Вот, значит, как. Теперь понятно, почему он все время вился вокруг тебя. Особенно тогда, на турбазе. Это к нему она ездит каждые выходные?

– Да, – немного виновато киваю. – Но я это не афиширую и с ним не общаюсь. Просто раз ты сделал мне предложение...

– Я не тороплю с ответом. У тебя есть время подумать.

– Это просто, чтобы ты знал, – продолжаю я. – Не хочу, чтобы у нас были секреты друг от друга.

Смотрю на Лешу и понимаю, что он хороший человек и прекрасный мужчина. Но у нас дальше поцелуев пока не идет. Иногда кажется, что я могла бы пустить его дальше, но каждый раз что-то останавливает меня. Не знаю что. Наваждение какое-то. Наверное, мое тело так привыкло к одиночеству, что я просто не готова перейти черту. Зато прекрасно помню, как пылала, когда меня касался Островский. До сих пор, стоит подумать о нем – и все тело вспыхивает, будто факел.

Вот только пора все это забыть. Островский теперь в прошлом. Больше у меня с ним ничего не будет. Пусть хоть для одного ребенка станет нормальным отцом.

– Ну, тогда и я признаюсь тебе... – говорит Леша, беря мою руку в свои. – Я догадывался, что между вами что-то есть.

– Между нами ничего нет. Давно.

– Да, я все понимаю. Не переживай.

– Это действительно так, – вот кого я сейчас хочу убедить: себя или его? – Мы расстались восемь лет назад, он даже не знал, что я беременна, когда бросил меня. Так что все в прошлом.

– Я тебе верю, Танечка, ты не должна оправдываться передо мной, – он поглаживает пальцем мою руку.

– Хорошо, – облегченно киваю.

Поднимаю взгляд и замираю. В зал входит Игорь Белецкий. Мое сердце начинает быстро стучать: надеюсь, следом за ним не войдет Островский? Они же частенько обедают вместе!

– Что такое, Танечка? – Леша с тревогой смотрит на меня.

– Все нормально...

Вот только ничего не нормально. Не хочу, чтобы Островский испортил такой момент. Хватит и прошлого раза.

Игорь пришел не один, вслед за ним в зал входит высокая симпатичная девушка. Она неуверенно идет за мужчиной, то и дело оглядываясь по сторонам.

Это не та, с которой Игорь приехал из Франции. Интересно, а та куда делась? Таскалась за ним повсюду. Даже в офисе пару раз была, но быстро слиняла оттуда, сказала, что скучно.

Впрочем, это не мое дело, куда Белецкий своих пассий деваает.

Но весьма неожиданно увидеть его сейчас в ресторане с девушкой, а не с партнером по бизнесу. Помню, он как-то сказал, что не любит такие места и предпочитает водить дам в театр или в кино. Странно, конечно, что наш второй начальник вообще о таком говорит с подчиненными, но это в его стиле: делать вид, что откровенничает, чтобы вызвать ответную откровенность. Делает вид, что вы с ним друзья, и ты забываешь, что вы не приятели, а начальник и подчиненный.

– Танечка, – вновь зовет меня Леша.

Я перевожу взгляд на него.

– Там наш начальник, – киваю на вход за его спиной.

Леша оборачивается.

– Островский, – говорит мрачным тоном.

У меня внутри все сжимается. Шарю взглядом по залу.

– Какой Островский? Там Игорь.

– Нет, только что Островский вошел, – Леша продолжает смотреть на вход. – Вон, стоит возле гардероба.

Меня обдает жаром. Перевожу взгляд чуть в сторону, к гардеробу, и сердце замирает в груди.

Это действительно он. Стоит ко мне спиной, о чем-то говорит с гардеробщиком – молодым парнем. Но, будто почувствовав мое внимание, оборачивается. Наши взгляды встречаются.

Как такое возможно?

Как он смог безошибочно отыскать меня в полутемном зале, среди двух десятков столиков и полусотни людей?

Сердце то замирает, то неистово бьется, пока я смотрю на Пашу и не могу отвести взгляд.

А он не спешит двигаться дальше. Стоит, смотрит на меня в упор, но на таком расстоянии не могу понять выражение его лица. Хоть бы не подходил к нам! Не хочу портить вечер. У него беременная невеста, а у меня новая жизнь. Я давно поставила точку.

– Давай уйдем отсюда, – предлагаю Леше.

Судя по лицу, ему неловко от того, что оба начальника тут.

– Давай, – с радостью говорит он. – Отвезу тебя домой.

С Лешей мы всего лишь гуляем вне дома. Я еще не была у него в квартире, и он не был в моей. Да и куда приглашать его, если в будни дома Лелька. Конечно, Леша в курсе, что на выходных ее нет, но даже в такие дни он просто подвозит меня до подъезда, целует в щеку и все. А я не настаиваю на чем-то более близком.

Но сегодня он сделал мне предложение... Не знаю, как об этом Лельке сказать. Я ее в свою личную жизнь не посвящала и теперь неизвестно, как она воспримет такую новость.

Она и так после встреч с Пашей спрашивает, не передумала ли я насчет папы. И каждый раз я говорю, что нет, не передумала. У ее папы другая семья, а через несколько месяцев появится братик или сестричка.

Когда заговорили об этом в первый раз, Лелька сильно расстроилась. Как я поняла, Паша тоже не спешит знакомить ее со Светланой. По крайней мере, дочь ни разу ее не видела, когда гуляла с отцом. Но потом она привыкла к мысли, что скоро будет не одна и даже решила отдать будущему малышу свои игрушки. “Я уже и них выросла, мне не жалко”, – сказала она. Детям так мало надо для счастья.

– Или можем по набережной пройтись, сегодня не холодно, – предлагает Леша.

Видно, что ему не хочется так внезапно обрывать свидание.

– Как скажешь, – соглашаюсь я.

Мы вместе встаем из-за стола. В другое время еще посидели бы, я ведь даже не наелась толком. Но в присутствии двух боссов кусок в горло вряд ли полезет. Никакого удовольствия. Лучше быстрее убраться отсюда.

Леша берет меня за руку, ведет к гардеробу. Я терплю, хотя под пристальным взглядом Островского хочется вырвать руку.

– Может, надо поздороваться с начальством?

Леша бросает смущенный взгляд в сторону Белецкого и его спутницы. Те уже садятся за стол, только Островский продолжает стоять возле гардероба как приклеенный. Неужели ждет, пока мы подойдем? От этой мысли меня охватывает легкая паника.

– Завтра на работе здороваешься, – прячу нервозность за сухим тоном.

В голове стучит набатом тревожная мысль. Сейчас мне придется подойти к Островскому и стоять рядом, пока гардеробщик не вынесет наши вещи.

На мое счастье он отходит раньше, чем мы подходим к стойке гардероба. Тоже решил не здороваться? Ну и ладно.

Леша протягивает работнику наши номерки.

– Уже уходите? – раздается сзади голос Островского.

Я замираю. По телу проходит дрожь. Хочется просто провалиться сквозь землю, но приходится обернуться.

– Здравствуйте, Павел Сергеевич, – Леша протягивает руку Островскому.

Тот смотрит на нее, как на таракана, но все же пожимает. Я прижимаю к груди палец. Невольно сдвигаюсь вбок, чтобы спрятаться за плечом Леша, но не могу укрыться от темного, властного взгляда бывшего босса и бывшего жениха.

Приходится поздороваться с ним. Голос предательски охрип. Надеюсь, Паша не примет мое волнение на свой счет.

– Да, мы уже уходим, Павел Сергеевич, – силюсь выдавить вежливую улыбку. – Передавайте привет невесте.

– Обязательно передам, – по его губам скользит кривая усмешка. – Ты тоже передавай привет. Дочери.

Я же хочу уменьшиться до размеров молекулы под его раздевающим взглядом. Это же он нарочно про Лельку вспомнил, чтобы Лешу уколоть.

– Конечно передам, – кажется, у меня сейчас щеки треснут, так усердно я улыбаюсь. – Приятно было увидеться, Павел Сергеевич.

Паша слегка подается вперед.

– Мне тоже... очень приятно, – делает акцент на слове “очень”. – Я заеду за ней в пятницу.

Я настороженно смотрю на него.

Заеду? Значит, он приедет сам, а не пришлет водителя? Интересно, с чего бы вдруг?

Паша отрывает взгляд от моего лица. Переводит ниже, на мою руку, прижимающую палец к груди. Я по инерции тоже смотрю туда.

Ах да, кольцо. Оно ведь так и осталось на пальце.

Лицо Паши меняется. С него сползает нарочитая безмятежность. Взгляд становится мрачным, между бровей появляется складка.

– До свидания, Павел Сергеевич, – Леша снова берет меня за руку.

Мы обходим застывшего босса.

Только на улице, сев в машину и пристегнувшись, я выдыхаю. Каждая встреча с бывшим – настоящая нервотрепка!

Глава 2

– Мама, а когда папа придет? – Лелька крутится у зеркала в коридоре.

Она то волосы поправляет, то одежду, то нетерпеливо поглядывает на часы.

Я тоже смотрю на время. Островский должен был приехать за ней еще полчаса назад, но что-то задерживается. Его водитель себе такого не позволял.

А меня, между прочим, Леша ждет. Сегодня мы идем в кино. Времени до начала сеанса еще хватает, но я все равно немного нервничаю. Не хотелось бы опоздать из-за Паши.

С того вечера, как Леша сделал мне предложение в ресторане, прошло четыре дня. И все это время я думала, а стоит ли мне его принимать.

С одной стороны, очень странно звать девушку замуж, даже не пожив с ней. Обычно современные мужчины так не делают. А с другой... разве это не доказательство, что Леша очень порядочный человек? Он ни разу не намекнул на постель, не торопил меня, не давил. Просто сразу замуж позвал.

От мысли, что такой достойный мужчина любит меня, даже на работе все из рук валится. Жаль, что я к нему не испытываю ничего, кроме дружеской симпатии. Но, может, этого вполне достаточно для спокойного семейного счастья? Чтобы двое понимали и уважали друг друга. А любовь и страсть – ну, этого в восемнадцать было достаточно. Теперь от мужчины я жду стабильности.

В конце концов, у меня одна жизнь. Второй не будет. Так почему я должна потратить ее на тоску по Островскому? На человека, которому я не нужна? Хватит с меня.

Я приму предложение Леша, а там будь что будет.

Вот даже сейчас Островский в своем репертуаре! Время поджимает, а его все нет.

В спальне звонит мой телефон.

Неужели Паша?

Сердце замирает, по телу проносится дрожь, а щеки обдаёт жаром.

Когда я перестану так реагировать на него?!

Но на входящем звонке – Леша. И сразу внутри разверзается пустота. Мне на миг показалось, что это был Островский. Больше того, я хотела, чтобы это был он...

– Да? – беру трубку.

– Что там, Танечка? – слышу голос Леша.

– Ждем Островского, – вздыхаю.

– Так и не пришел?

– Нет еще. Извини, похоже, кино придется отменить. Я не могу бросить Лельку дома одну, а с няней надо было заранее договариваться.

Леша молчит. Я уже думаю, что он сейчас попросится и сбросит звонок, но он вдруг говорит:

– Раз такое дело... Может, сходим втроем в кино?

Неожиданное предложение.

Я потираю лоб и смотрю на Лельку. Та безумно хочет увидеться сегодня с отцом. Вон как крутится перед зеркалом.

– Сейчас спрошу у дочери, – говорю жениху.

Привлекаю этими словами внимание дочери.

– Лель, хочешь в кино сходить?

– С папой? – она с надеждой оборачивается ко мне.

– Со мной и с Лешей.

Дочь хмурится и задумчиво ковыряет ботинком пол.

– Нет. Вот мы уйдем, и придет папа. Он обидится, если мы его бросим.

Слова, как ножом по сердцу. Бросим Пашу. Так хватит страдать из-за прошлого. Пусть все идет, как идет.

– А там будет поп-корн и интересный фильм, можем даже на мультфильмы 3-Д пойти.

– Нет, я буду ждать папу, – пыхтит она.

– Леш, – возвращаюсь к телефонному разговору.

– Да, я услышал, – вздыхает жених. – Ну, может тогда попозже сходить. На вечерний сеанс.

– Хорошо... Если вообще получится сегодня, – бормочу совсем и кошусь на Лельку.

А мысленно клянусь Островского на чем свет стоит. Как можно быть таким? Безответственным!

Мы прощаемся с Лешей. Меня уже начинает нервировать задержка Островского. В конце концов, можно ведь позвонить и предупредить, что опаздываешь? Так делают все нормальные люди! Но Паша, видимо, в список нормальных людей не входит.

– Папа придет, – упрямо говорит Лелька и берет свой телефон. – Я с ним разговаривала сегодня.

Я выдыхаю. Дочь в этом плане самостоятельная, но меня больше пугает, что она может расстроиться из-за отца. Вдруг он не придет? Вот зачем ребенку морочить голову обещаниями, которые не можешь сдержать?

За дверью слышатся шаги. Лелька вздрагивает и подбегает к двери.

– Ой, мам, это папа! – подпрыгивает она от нетерпения.

У меня начинает учащенно биться сердце. Ничего не могу с этим сделать, как не убеждаю себя, что должна перестать думать о Пашке.

Шаги за дверью затихают. Я почти не дышу. Но звонок раздается в соседнюю квартиру, и у меня внутри все словно падает от разочарования.

Эх, не то. Не получилось. Не тот, кто мне нужен.

– Ладно, хватит стоять здесь, как на перроне, – говорю Лельке. – Идем на кухню, попьем чайку.

– Нет, я еще подожду.

Я сажусь на банкетку. Паша задерживается уже на полчаса, и моя злость переходит в тревогу. Вдруг с ним что-то случилось? Что-то настолько ужасное, что он даже не в состоянии позвонить?

Гоню от себя эти мысли, но они настырно лезут в голову. Авария. Красно-синие мигалки “скорой”. Больничная койка...

Ой все, так недолго и параноиком стать.

– Может, все же в кино? – предлагаю Лельке, лишь бы избавиться от пугающих мыслей.

– Нет, – она мотает головой.

– И в батутный парк сходим? – соблазняю ее, но дочь упрямо машет головой.

Так хочет, чтоб отец пришел, что я начинаю чувствовать ревность.

Время идет. Я набираю Островского, хотя обещала себе, что не буду ему звонить. Но в душе все бурлит от возмущения и обиды за дочь. Плевать, какие там у него проблемы, но сейчас я ему все выскажу! Я взрослый человек – переживу. Но обижать мою дочь не позволю.

Паша сбрасывает звонок. Меня захлестывает ярость. Все, поигрался в отца – и хватит?!

– Лель, идем на кухню. Я сейчас чаю заварю, и закажем пиццу твою любимую, хочешь? – предлагаю дочери.

Вот как мне ее успокаивать, если отец не придет? Что говорить?

Но тут звонок звенит в нашу дверь. Я открываю, уже не ожидая увидеть Островского, но на пороге стоит именно он.

– Папа! – радостно кричит Лелька и несется к нему.

У того тоже появляется улыбка на лице.

– Ты бы хоть предупредил, что опоздаешь, – говорю ему резким тоном. – У меня, вообще-то, тоже дела!

А что, он мне больше не начальник, да и не в офисе мы.

Его глаза моментально темнеют. Паша пристально смотрит мне в лицо, но я умудряюсь выдержать его взгляд. Он переводит взгляд ниже, будто изучает меня. Замечает кольцо на безымянном пальце. Хмыкает.

– Тебе предложение сделали? – спрашивает небрежно.

– Да, – демонстративно складываю руки на груди.

Почему-то неловко от того, что он это увидел. Не хотела ему показывать, но раз уж так вышло, то стыдиться мне нечего.

– Поздравляю. Ну что, котенок, идем? – смотрит на Лельку. – Я немного задержался из-за Светы, ей плохо стало.

Последняя фраза явно предназначена для меня.

– Мне все равно, – равнодушно пожимаю плечами.

Хотя внутри все пылает от обиды и злости. Но я не хочу показывать виду, что меня задела его слова.

Паша берет Лельку за руку. И вдруг окидывает меня долгим нечитаемым взглядом.

– А знаешь что, – предлагает внезапно, – поехали с нами. Побудем втроем.

На миг меня охватывает страстное, почти непреодолимое желание согласиться. Но я сжимаю зубы и отступаю на шаг.

– Нет, у меня другие планы, – говорю прохладным тоном.

Лишь бы Паша не заметил мою слабость.

Оказывается, я не такая сильная, как хотелось бы. Нужно держаться подальше от него.

– Какие планы могут быть важнее дочери? – Паша смотрит на кольцо.

Мне кажется, или он злится?

– Да, мам, поехали с нами, – подключается Лелька.

Явно она в сговоре с Островским. Еще и поглядывает из-под шапки так жалобно, что я уже готова согласиться. А Пашин тяжелый и темный взгляд вообще невозможно выдержать. Но я уже приняла решение и не хочу отступить.

– Прости, зайчик, ты же знаешь, меня ждет другой человек, – ласково улыбаюсь дочке. – Ты сегодня погуляешь с папой, а я – с Лешей. Хорошо?

– С Терентьевым? – цедит сквозь зубы Паша.

– Да, мы собрались пойти в кино.

Островский кивает. Вижу, как на его лице начинают играть желваки.

Не нравится ему что ли, что я встречаюсь с Лешей? Хотя, это мое дело и его оно не касается. Я же не лезу в его отношения со Светой?

Паша продолжает сверлить взглядом мое кольцо. От этого пристального внимания мне становится не по себе. Возникает желание спрятать руку за спину или снять украшение. Но я сдерживаюсь. Даже улыбаюсь.

Пусть смотрит. У меня тоже есть личная жизнь.

– Ладно. Хорошего тебе вечера, – произносит Паша без всякого удовольствия.

Он берет Лельку за руку. А я опять ловлю себя на мысли, что все могло быть иначе. Что если бы не его выходка тогда, восемь лет назад, сейчас они пошли бы гулять как отец и дочь, которые всю жизнь были вместе. Но увы, прошлое не вернуть. Как бы я не хотела его изменить, оно всегда будет стоять между нами.

Закрываю за ними дверь. Прижимаюсь к ней спиной. Не хочу никуда идти с Лешей. Но и предлагать ему провести вечер у меня – тоже не вариант. Не хочу его провоцировать. Вдруг он решит, что это приглашение – намек на близость? А я пока не готова... даже сейчас, когда фактически приняла его предложение.

Так, ладно. После встречи с Островским всегда сердце в ключья. И пусть я стараюсь его избегать, насколько это возможно, но даже мысль, что мы работаем в одном здании, будоражит меня.

Я как-то не выдержала, рассказала все маме. Она посоветовала вообще оттуда уйти. Найти работу в другом районе, на другом конце города. Если рвать отношения, то так, чтоб наверняка.

Но как же квартира? Снова переезжать? Не хочу...

Да и нравится мне у Белецкого: спокойный, уравновешенный, по пустякам не придирается. И зарплата хорошая. Не меньше, чем Паша платил. Зато нагрузка намного легче. Сиди себе на рецепции, улыбайся посетителям, фиксируй визиты в специальной программе да помогай новичкам ориентироваться на этаже. Никаких тебе потерянных ящиков, неправильных актов и разозленных клиентов.

Из мыслей меня выдергивает звонок телефона. Смотрю на экран. Это Леша. Нужно ответить, но я просто не в силах нажать на зеленую кнопку. Внутренний голос шепчет: сделай вид, что не слышишь...

Но я отметаю его. Леша ждет. А я обещала! Не хочу поступать с ним так бесщедно.

– Да, Леш. Только хотела тебя набрать, – вру, уверяя себя, что это ложь во спасение.

– Ну что там? – спрашивает он.

– Приехал Островский и забрал дочь, – говорю ему.

– Отлично! – его голос сразу веселеет. – Тогда я еду за тобой?

Ловлю себя на мысли, что Паша не стал бы спрашивать. Молча приехал бы и забрал. И у меня не было бы ни шанса ответить “нет”. Потому что Островский никогда не спрашивал мое мнение и никогда не слышал то, чего не хотел слышать. Всегда ввел себя как захватчик, впрочем, как и сейчас.

Но в те времена мне это нравилось. Я считала, что такое собственническое поведение – это так по-мужски.

Дура.

Вот опять думаю не о том! Пора забыть о нем и жить своей жизнью!

– Да, конечно, – нехотя выдыхаю.

– Ну или можем посидеть у тебя, если не хочешь в кино.

Только не это. Не хочу с ним дома сидеть. Эта квартира как какой-то священный храм для меня. Не могу сюда пустить Лешу.

– Нет-нет, я очень хочу в кино, – вру и не краснею. – Приезжай.

– Тогда хорошо. Буду у тебя через двадцать минут.

Он первый отключается. Я же бездумно сижу на банкетке и листаю ленту новостей, пока жду его.

Вдвоем мы направляемся в местный кинотеатр. Закупаемся попкорном. Сидим в зале и смотрим какую-то семейную комедию. Я пытаюсь следить за тем, что происходит на экране, даже смеюсь в нужных местах. Лишь бы не думать, что Паша и Лелька сейчас вместе. Но эти мысли настырно лезут мне в голову.

Леша то и дело пытается взять меня за руку. Улыбается, заметив, что я не сняла кольцо. И я все же сдаюсь. Его прикосновение самое обычное. Теплое и не отталкивающее. До конца сеанса он держит меня за руку и иногда, будто забывшись, поглаживает ладонь.

Я делаю вид, будто ничего не происходит.

Наконец, фильм заканчивается бурной свадьбой главных героев.

Мы выходим из зала, и я тут же хватаюсь за телефон. Звоню дочери.

– Привет, моя хорошая, ты как там? – спрашиваю ее.

– Все хорошо, мам. Мы елку наряжали! У папы дома такая огромная, прямо до потолка!

И вся светится! – хватается Лелька.

А мне становится стыдно. Я совсем забыла про елку. Надо хоть маленькую поставить, все-таки на носу новогодние праздники и Рождество.

– А сейчас мы в дельфинариуме, – продолжает дочь восторженным тоном. – Папа мне мороженое купил, – хвастается Лелька. – Очень вкусное! С орешками и шоколадом.

Судя по голосу, рот у нее уже набит под завязку этим мороженым.

– Ага, ну ты смотри там, не ешь много и залпом, а то горло будет болеть. Все же не лето на улице.

– Ну мам, – тянет дочь, – мы завтра на картинг пойдем. Папа очень круто водит машину и меня обещал научить!

– А это не опасно? – хмурюсь я.

– Нет, мам, там для детей. Там даже совсем маленькие катаются, как Темка тети Нади!

– Ну ладно. Главное, чтобы тебе было весело.

Не могу сдерживать улыбку. Темка для моей дочери маленький! Забыла, что она сама-то не сильно большая?

Леша замечает мою улыбку и улыбается в ответ.

– О, а еще папа сказал, что мне нужно ходить на танцы! – внезапно заявляет дочь.

Я снова хмурюсь.

На танцы? У меня были мысли, что Лельке нужно как-то развиваться помимо школы. Но все кружки и секции требуют денег. А еще, кто ее будет туда водить и забирать, когда я на работе?

– А ты сама хочешь на танцы?

– Не знаю. Мне футбол нравится. Но туда девочек не берут, – вздыхает она с грустинкой.

Я невольно замираю. Чувствую, как по телу проносится дрожь. А в памяти ретроспективной мелькают картинки с матчей Островского, на которые я ходила когда-то, как его девушка.

– Знаешь, я думаю, что танцы это неплохая идея, – быстро перевожу разговор. – Только если ты сама хочешь. А рисование?

– Я его не брошу, – упрямо говорит дочь.

– Ну, решай сама. Я всегда тебя поддержу.

– Хорошо, мам, я побежала.

Она отключается.

– Все в порядке? – участливо спрашивает Леша.

Я убираю телефон в сумочку.

– Да, все хорошо. Уже темнеет, – смотрю, как вдоль улицы и на здании кинотеатра зажигаются разноцветные огни.

Город потихоньку прихорашивается, готовится к Новому году. Кое-где возле торговых центров даже елки уже появились. Хотя только декабрь начался.

– Отвезти тебя домой? – Леша тепло улыбается.

Какой же он... понимающий. Ну просто идеальный мужчина.

Я прощаюсь с ним возле подъезда. Это граница, которую он ни разу не переступил за два месяца наших встреч.

– Спасибо за вечер, – говорю ему.

Мы смотрим друг другу в глаза. Я первой тянусь к нему и целую в щеку. Леша перехватывает меня за талию. Делает это не сразу, словно нехотя, но целует в губы. Без нахрапа. Легко и невесомо. Даже язык не пытается использовать.

Поцелуй получается мимолетный, почти детский.

Леша быстро отпускает меня и отстраняется.

– Спокойной ночи, – говорит мне чуть хрипло.

– И тебе, – отвечаю ему.

Вот и все, пятница закончилась. Осталось два дня, и я снова увижу дочь. Точнее, почти три. Ведь увижу я ее в понедельник после уроков, когда приду с работы домой.

За это время надо успеть пробежаться по магазинам, поставить елочку, купить украшения. Прошлый Новый год мы отмечали с родителями, я ничего не покупала. Но в этот раз сделаю праздник дома. И маме с папой обязательно позвоню. Пусть теперь они к нам приезжают.

В воскресенье вечером беру телефон. Елка уже стоит, хоть и не до потолка. Пахнет морозной хвоей. Игрушки и новенькие гирлянды лежат в коробке, ждут Лельку. На столе – мандарины.

Хочу позвонить родителям, но не успеваю. Раздается звонок.

Паша...

Почему-то у меня начинают руки дрожать. Все тело охватывает неприятное свинцовое состояние. Будто случилось что-то плохое.

– Танюш, ты не волнуйся. Оля завтра не пойдет в школу.

– Почему? – сердце замирает от дурного предчувствия. – Что случилось?

– Ничего страшного. Просто ангина. Но будет лучше, если дочка останется у меня.

Глава 3

По телу пробегает неприятная дрожь. Тревога сжимает горло.

– Островский, что ты натворил? – пугающая злость в моем голосе выходит наружу.

– Я то же самое могу спросить у тебя. Дочь сказала, что она еще дома чувствовала себя плохо, – спокойно отвечает Паша.

Я замираю, недоверчиво глядя на телефон.

Лелька ничего мне не говорила. Весь день вела себя как обычно. Неужели она боялась, что если я увижу ее состояние, то не пущу на выходные к отцу? Хотя... я бы именно так и поступила!

– Хорошо, привози ее домой.

– Нет. Она остается у меня. Уже был врач, назначил ей лекарства и постельный режим.

Давящее чувство поселяется в груди. Растираю грудь, которая так и саднит странной болью. Мне совсем не нравится, что Лелька там больная с ним. А не со мной. Может, это какая-то родительская ревность, когда отдаешь своего ребенка?

– Боже, Островский. Это все из-за тебя! На дворе декабрь, а ты ее мороженым кормил – вот и результат! – ругаюсь в трубку.

Понимаю, что сама виновата. Была так занята собой, что не заметила состояние дочери. Но мне хочется с кем-то разделить эту вину, а Паша просто идеально подходит.

– Она ела его не на улице, а в помещении, и не говорила, что у нее горло болит. А сегодня проснулась вялая, не ест и все время лежит. Я померил температуру, оказалось тридцать восемь и пять. Так что я сразу вызвал врача.

Я тру виски. Конечно, он же не мог понять, что у нее что-то болит. Он же с ней не жил никогда. И Лелька молодец, с больным горлом есть мороженое! Никакой ответственности у девчонки.

Я снова растираю грудь. Колющая боль потихоньку проходит.

– Привези ее домой. Я за ней присмотрю. Больничный возьму, – говорю уже спокойнее. В трубке виснет тишина.

Тягучая и пугающая. Что там еще решил придумать Островский? Он не имеет права отказывать мне! Это все-таки мой ребенок.

– Хорошо. Бери больничный, – соглашается он после паузы. И тут же ставит мне ультиматум: – Но дочь никуда не поедет, пока не выздоровеет. Тебе самой придется приехать, если хочешь, конечно. У меня дома достаточно места и для тебя.

По коже вновь пробегает дрожь. Импульсы отдаются в каждой клеточке тела. Низ живота наливается тяжестью.

Я и Паша вновь в одном доме...

Это очень опасно. Я только-только начала учиться жить без него, строить отношения с другим мужчиной...

Но он прав. Если дочь больна, то нет смысла таскать ее по улице.

– Хорошо, говори адрес, – я устало вздыхаю.

Островский вновь держит паузу.

– Я сам заеду за тобой, – говорит сухим тоном.

Меня снова кидает в жар.

– Я сама доберусь, будь с Лелей, – отвечаю чуть хриплым голосом.

– Нет, жди дома. Я заеду. Ей есть с кем остаться, – отмечает Паша мое предложение и отключается.

Сжимаю трубку смартфона.

Он сам приедет сюда. Уже второй раз за неделю. А Лельку он что, со Светой оставит? То есть, моя дочь останется со Светланой?

Нет, я ничего имею против его невесты. Она все же беременная от него. Но я не знаю, можно ли ей доверить чужого ребенка. Как она вообще отреагирует, увидев Лельку в доме Паши?

Я аж прикусываю язык.

Судя по тому, что в офисе Света всегда ведет себя как коршун, то сомневаюсь, что она дома милая и приятная. Так что да. Я должна быть рядом со своей дочерью. Должна ее защищать в любой ситуации.

И пока Паша ко мне едет, я хожу из стороны в сторону по квартире. Места себе не нахожу.

Вздрагиваю, когда в дверь наконец-то раздается звонок. На пороге Паша. Я быстро накидываю куртку и сапоги. Он вновь звонит в дверь.

– Бегу! – кричу.

Едва не ломаю “молнию” на сапожках. Открываю входную дверь, едва не влетая в Островского. Тот ловит меня за талию.

– Привет, Танюш, – обдает меня морозным дыханием.

Прижимает к себе крепко. Я невольно вдыхаю аромат его парфюма. По телу проносятся знакомые мурашки.

От мимолетного удовольствия жмурюсь. Сама не осознаю, что тоже прижимаюсь в ответ. И мне плевать, что я выгляжу сейчас не красавицей. Без грамма косметики, со взъерошенными волосами...

В сравнении со Светой – просто неухоженная серая мышь.

– Нам пора, – отстраняюсь от него первая.

– Да, точно, – отвечает Паша и отпускает меня.

Хмурится. Между его бровей появляется знакомая складка. Это значит, он чем-то недоволен.

Мы спускаемся и садимся в его машину. Меня то и дело потряхивает.

– Нужно сделать тест на ковид! – спохватываюсь, с ужасом вспоминая недавнюю эпидемию.

– Не переживай, врач уже сделал экспресс-тест, – говорит Паша. – Отрицательный. Это просто ангина.

Я с облегчением выдыхаю. Ну хоть не ковид. Ангина – обычное дело, вылечим сами, не в первый раз.

Искоса поглядываю на Пашу. Нужно перед ним извиниться. Накричала, обвинила, а он молодец. Сразу сориентировался, вызвал врача. Не стал разводить панику, как я.

Но язык не поворачивается первой с ним заговорить. И еще возможная встреча со Светланой меня беспокоит. Я вся как на иголках.

– Хорошо, – отворачиваюсь к окну.

Вскоре машина останавливается в элитном районе.

Мы с Пашей почти одновременно покидаем салон. Только я задерживаюсь, оглядываясь по сторонам. Никогда здесь не была, только видела это комплекс на фотографиях, когда искала жилье.

– Идем, – торопит Паша. – Еще насмотришься.

Я спешу за ним в парадной. По мере приближения, сердце колотится все быстрее. Дыхание становится сбивчивым.

Мы поднимаемся на нужный этаж.

Изрядно нервничаю, пока Паша открывает дверь.

Его квартира встречает теплом и приятным запахом.

В просторной прихожей Паша помогает мне снять куртку. Я так и рвусь к дочери, но понятия не имею, что и где тут находится. А квартира, похоже, огромная. Только в прихожей вижу пять арочных проемов, это помимо входной двери.

Сбрасываю обувь. И с нетерпением смотрю на Пашу.

Тот тоже быстро раздевается.

Иду за ним в один из проемов. Мы оказываемся в большой гостиной, в центре которой с потолка спускается то ли колонна, то ли труба, а под ней – оборудован настоящий камин, защищенный специальным стеклом. Сквозь панорамные окна открывается вид на город, вся мебель в стиле хай-тек из стекла и металла, диваны и кресла обтянуты белым материалом, подозрительно похожим на кожу.

Непривычно. Дорого. Но светло и уютно.

А посреди этого великолепия стоит огромная елка.

Дочка не преувеличивала. Дерево действительно упирается макушкой в потолок. Елка сверху до низу украшена разноцветными шариками. Даже на первый взгляд видно, что Паша не поспешил, купил дорогие игрушки с ручной росписью. И вся гостиная увешана гирляндами. Даже сейчас, когда на улице день, они таинственно мигают и переливаются.

– Нравится? – прошивает он, ловя мой взгляд.

– Красиво, – пожимаю плечами.

И чувствую укол ревности. Моя елочка и в половину не так хороша.

Мы пересекаем гостиную, и Паша открывает дверь со вставками из рифленого стекла. За ней оказывается небольшая комната с розовой мебелью и разноцветными бабочками на стенах.

На кровати лежит Лелька. Рядом с ней сидит женщина средних лет. При виде нас незнакомка встает, но я не обращаю на нее внимания.

Вся злость улетучилась, стоило мне увидеть дочь.

Бросаюсь к ней. Краем мысли радуюсь, что тут нет Светы. Можно немного расслабиться.

Кстати, а почему ее нет? Может, она в другой комнате и просто не вышла? Ох, да какая мне разница, нужно заняться ребенком!

Обнимаю дочь.

– Ты как, малыш? – спрашиваю ее.

В комнате пахнет лекарствами. Женщина потихоньку отступает от кровати, освобождая мне место. Я тут прикладываю ладонь ко лбу дочери. Тот горячий. Глаза у Лельки красные, будто она долго плакала, взгляд осоловелый.

Еще в пятницу она была абсолютно здорова, а сейчас как подменили. Дочь реально больна.

– Хорошо. Меня осмотрела тетя врач и поставила укол. И выписала таблеток. Папа их купил. И витаминки дали. Вкусных и сладких, – говорит Лелька. – А ты теперь со мной останешься?

Голос сипит. Она втягивает носом соплю, а затем растирает рукой. Еще и лимфоузлы под ушами воспалились, их видно невооруженным взглядом.

Да, в таком состоянии ее действительно нельзя вести домой. Если я это сделаю, то будет только хуже.

Ох, завтра надо написать классному руководителю. А еще съездить в больницу, больничный взять. Не оставлю больную дочь на чужих людей. Паша хоть и отец, но он не будет сидеть с ней сутками, у него работа и Света. А домработница... Ну она на вид добрая женщина, но все равно чужая.

– Конечно, только больничный оформлю. Папа сказал, ты ничего не ешь? – строго смотрю на нее.

Лелька кивает.

– Горло болит, кхе... кхе, – заходится кашлем Лелька. – Больно кушать.

– Ладно, тогда помолчи.

Оборачиваюсь к домработнице:

– У вас есть суп или бульон?

– Да, я на сегодня харчо приготовила.

– Это не то, – качаю головой. – Нужен куриный бульон. Приготовьте, пожалуйста, я покормлю ребенка.

Она переводит вопросительный взгляд на Пашу, тот с задержкой кивает. Она тихо уходит из комнаты.

А у меня кровь в жилах стынет. У ребенка ангина, а его пытались накормить острым харчо? Не мудрено, что Лелька не стала есть! У этой женщины вообще дети есть?

Еще и мысли о Свете не дают покоя. Как мы с Лелькой тут можем остаться, если она может появиться в любую минуту? Наверняка они с Пашей вместе живут. И вряд ли она обрадуется, увидев меня.

Прям шведская семья, какая-то. Бывший жених с беременной невестой и его бывшая невеста с ребенком.

И домой я Лельку забрать не могу. На улице холодно. Как по закону подлости впервые с начала зимы ударил мороз!

– А пока супчик варится, давай молочко с медом поьем, а потом горлышко пополощем. Хорошо? – укутываю Лельку в одеяло.

Затем оборачиваюсь к Паше:

– У тебя в квартире мед с молоком есть?

– Нет, но если нужно, я закажу доставку.

– Закажи, – соглашаюсь я. – Еще мне нужны йод, соль, сода и теплая вода.

– Зачем? – хмурится он.

– Горло будем лечить.

– Я понял, но зачем? Ей достаточно выписали лекарств.

У меня нет ни сил, ни желания спорить. Поэтому я спокойно повторяю слова:

– Мне нужен стакан теплой воды, йод, соль и сода.

– Мам, а ты не привезла мой планшет? – хрипит Лелька из-под одеяла.

– Забыла, милая. Ты поспи, а вечером я привезу.

Дочь кивает.

Я отхожу от кровати и сажусь на стульчик рядом с ней.

– Не думаю, что тебе стоит куда-то ехать сегодня, – говорит Паша шепотом. – Останься с ней, я сам все привезу.

Лелька открывает глаза и смотрит на него. Я тоже поворачиваю голову. Хмурюсь. Мне есть что сказать, но не при ребенке.

Перевожу взгляд на дочь. Не хочу ее оставлять ни на минуту в таком состоянии. Но с Пашей надо поговорить.

– Ладно, пойду сделаю заказ и спрошу у Абрамовны, есть ли в аптечке йод, – он поднимается.

Я тоже встаю. Вижу, как его глаза темнеют по мере того, как я приближаюсь.

– Ты не останешься здесь? – он цепко смотрит на меня.

– Надо поговорить, – отвечаю уклончиво.

По спине пробегает дрожь. Не хочу оставлять Лельку одну, но выбора нет. Я должна расставить точки над “И”.

– Хорошо, пошли на кухню. Поговорим за чаем, – решает он.

На кухне домработница колдует над плитой.

– Марина, заварите нам чай, пожалуйста, – отвлекает ее Паша. – У нас есть йод?

– Да, Павел Сергеевич.

– Хорошо, приготовьте йод, соль и соду.

– Это все?

Паша поглядывает на меня.

– Еще нужны молоко и мед, – напоминаю про обещанный заказ.

– Да, сейчас позвоню в доставку.

Она тут же начинает стучать шкафчиками и чайником.

Мы садимся за круглый стол. Он маленький, рассчитан на двух человек, и я внезапно осознаю, что в этой квартире, какой бы большой она не казалась, все рассчитано на двоих. Вот и у этого столика всего два кресла – удобных, мягких, глубоких, но два.

– Паш, я не могу оставить дочь у тебя. Нужно отвести ее домой.

– Не вижу причины. Скорее это ты должна остаться тут, с нашей дочерью, – он пожимает плечами.

Я кошусь на Марину, но она не смотрит на нас, а ставит чайник на плиту.

– И каким это образом? – я все же понижаю голос. – Что скажет твоя невеста, когда увидит меня?

– Светы тут нет.

Его тон абсолютно спокоен.

– А, оу, – выдыхаю я.

Видимо, это одна из квартир Островского. Здесь он с дочкой встречается, а со Светой живет в другой?

– Все равно не удобно. Что люди скажут?

– Таня, наша дочь больна. За окном уже темно. Куда ты с ней поедешь? Оставайся тут, с нами, – Паша подается вперед.

В его голосе появляются мягкие нотки.

“С нами?” Я округляю глаза.

– Погоди, а Света?

– А что она?

– Она тоже сюда приедет или где она?

– Здесь я, экономка и наша дочь. Светы тут нет.

Я мотаю головой из стороны в сторону.

– Но так нельзя. Она твоя невеста. Я не могу остаться в одной квартире с тобой.

На лице Паши начинают играть желваки.

– Я не живу со Светой. Поэтому и говорю, чтоб ты осталась здесь. Если надо, я отвезу тебя домой, возьмешь нужные вещи. Но сегодня я не выпущу дочь из квартиры, – жестко отрезает он.

Я ежусь от его слов. Но понимаю, что не могу спорить.

– Я тоже не брошу свою дочь, – говорю резким тоном. И выдыхаю, потирая виски: – Хорошо. Я остаюсь.

Мы гневно смотрим друг другу в глаза.

И вопреки всей ситуации по телу пробегает дрожь. Потому что Паша опять смотрит так, будто желает меня. Будто сейчас поцелует. Но так ведь нельзя!

Его взгляд пробирает меня до души, все тело покрывается щекочущими мурашками.

– Вот и решили, – на лице Паши возникает улыбка.

– Это ради дочери, Островский, а не ради тебя, – говорю ему сухо.

Чайник начинает свистеть. Марина тут же снимает его. Разливает по чашкам чай. Ставит перед нами на стол.

Ароматный запах чая сквозит в воздухе. Рядом появляются сахарницы с тремя видами сахара. Машинально беру кусочек, бросаю в чашку.

У меня все мысли только о Лельке. И о том, как я реагирую на бывшего. Потому что до сих пор помню, как он касается меня. До сих пор реагирую, хотя у меня другой мужчина. Жених.

И все же здесь, в его кухне, за одним столом с ним, я ощущаю себя так, будто нахожусь дома. Странное дело, даже кухонный гарнитур в стиле кантри очень напоминает тот, который стоит в моей квартире. Будто у них был один дизайнер. Только у Паши все явно из натурального дерева, а у меня – из дешевого композита. Но все равно, сходство бросается в глаза.

И снова я вспоминаю тот день, когда он забрал нас с мамой из аэропорта. Я не называла адреса, откуда он знал, куда ехать?

Моя паранойя вновь просыпается.

С подозрением поглядываю на Пашу.

Хм... Нет, ерунда. Хватит выдумывать! Ну вряд ли бы он стал сдавать мне свою квартиру, а потом еще деньги брать за аренду с меня и Лельки.

– Успокойся, Танюш, – говорит Паша.

Его взгляд то и дело возвращается к руке, которой я держу ложку и помешиваю чай. Он смотрит на мое кольцо. Подарок Леши.

Что ж, надеюсь, мне не придется жалеть, что осталась в его квартире...

Глава 4

Марина Абрамовна приносит все, что я просила для полоскания горла. Я вся на нервах. Аромат чая кружит голову, хочется сесть и спокойно насладиться короткой передышкой, но вместо этого я бодяжу в стакане смесь воды, соли, соды и йода. Прошу дать мне глубокую миску и иду к Лельке.

Паша идет следом за мной, ни на миг не выпускает из виду. Хмурится, недовольно поглядывает, но не вмешивается. И, главное, молчит.

Встав в дверном проеме и засунув пальцы за пояс брюк, слегка покачивается с пятки на носок.

Ненавижу, когда он так стоит над душой. Но выбора нет. Я заставляю себя сосредоточиться на лечении дочери. Пусть Паша сколько угодно поет дифирамбы врачу и таблеткам, я знаю, что лучше моего рецепта для ангины ничего нет.

Лелька кривится, увидев стакан и миску.

– Давай, моя хорошая. Тут немножко. А потом тебе молочка с медом погрею, хорошо? – уговариваю ее.

Лелька садится с тяжким вздохом. Тщательно запрокидывает голову назад, булькает раствором. Получается так смешно, что она едва не смеется. Через пять минут я забираю пустой стакан и теперь уже полную миску.

– Уверена, что твои бабкины методы сработают? – мрачно спрашивает Паша.

– Ну, пока что работали. Молоко уже привезли?

Нас прерывает звонок домофона.

– Уже привезли, – кивает Паша.

Встречать курьера отправляется домработница, я же укладываю осоловелую Лельку. Она почти мгновенно засыпает. А мы с Пашей возвращаемся в кухню.

– Если хочешь, я могу отправить водителя за вещами, – говорит он внезапно.

Поднимаю голову, заторможено смотрю на него. Потом меня осеняет: если я тут останусь, то надо хоть что-то на первое время. Зубную щетку, одежду на смену, белье. И Лельке тоже потребуются вещи.

Но не хочу, чтобы в моих вещах рылся кто-то чужой.

– Нет. Я съезжу. Сама соберу вещи, – говорю, поднося чашку к губам.

Чай еще не успел остыть, но уже и не кипяток.

Уговариваю себя, что все будет хорошо. За час ничего не случится. Лелька в безопасности. Ее уже осмотрел врач, а я напою ее молоком и заставлю проглотить хоть чашку бульона. Потом можно съездить домой за вещами.

Просто мне нужно сохранять холодную голову. Даже рядом с Островским. В конце концов, пора этому учиться. Только сердце то и дело сжимается, когда я смотрю на него.

– Тогда я поеду с тобой.

– Не надо, – качаю головой, – не хочу, чтобы Лелька осталась одна в таком состоянии.

– Здесь будет Марина, – настаивает Паша. – Поедем вместе.

Я отпиваю глоток. Слово “вместе” режет слух. “Вместе” – это было бы восемь лет назад.

Так. Все, хватит. В который раз говорю себе это? Повторяю как мантру! Хватит ходить по кругу и возвращаться к прошлому. Его не изменить. Нужно двигаться дальше. Паше – с его невестой и будущим ребенком. Мне – с Лешей.

Ох, Леша. Я же ему ничего не сказала, хотя он прислал мне сообщение на телефон.

И как я объясню своему жениху, что останусь на ночь у бывшего? Впрочем, неважно.

Еще час у меня уходит на то, чтобы согреть молоко и бросить в него нужные ингредиенты. Накормить Лельку свежим бульоном и заставить выпить кружку молока. Дочь капризничает

и хнычет, как всякий больной ребенок. Говорит, что ей больно глотать и она не хочет есть. Только обещание Паши сводить ее в аквапарк (разумеется, когда она вылечится) вынуждает ее подчиниться.

– Ладно, собирайся, – говорит Паша, когда с кормлением дочки закончено.

Я целую Лельку и иду вслед за ним в прихожую.

Едем в полной тишине. Он даже музыку не включает. А меня начинает подергивать. Правильно ли я поступила, согласившись остаться? Кажется, нет. Это очень плохая идея...

Достаю телефон, читаю сообщение Леша. Надо бы ему что-то ответить. Он спокойно относится к общению через мессенджер. Обычно мне это не нравится, но сейчас я даже рада. Потому что так он не услышит мой голос, не услышит эмоции.

Пишу СМС-ку, что Лелька заболела, так что я завтра выйду только отпроситься на больничный.

Получаю ответ через несколько минут.

“Тебе нужна помощь? Привезти лекарства?”

Закусываю губу.

“Нет, спасибо, – отвечаю. – Все есть”.

“Если что, обращайся. Я все привезу”.

Сердце екает в груди. Перевожу взгляд на Пашу. Тот смотрит на дорогу. Его длинные пальцы сжимают руль. Не могу отвести взгляд от его сильных рук, на которых виднеются вены. Он закатал рукава своей куртки.

И меня как по волшебству вновь отбрасывает во времена нашего прошлого, когда мы вот так же ездили вдвоем в его машине. Обычно он увозил меня в сторону горы, которая стала “нашим” местом. Интересно, а со Светой он там бывал?

Во рту становится горько от ревности.

Мотаю головой из стороны в сторону. Лучше не думать об этом.

– Тебе помочь? – спрашивает Паша, когда подъезжаем к дому.

– Нет, спасибо, я сама.

Выхожу из салона. Думаю, что Паша останется в машине, но он тоже выходит вслед за мной.

Мы опять поднимаемся в полнейшем молчании в мою квартиру. То и дело Паша кидает взгляд на мои руки. Точнее на кольцо, которое подарил Леша. Становится неловко.

Дома я стараюсь как можно быстрее собрать вещи. Скидываю все в сумку. Паша ждет в коридоре.

Когда выхожу к нему, то замираю. Он что-то осматривает в коридорном шкафчике.

– Что ты делаешь? – спрашиваю его.

Паша достает Лелькину куртку.

– Это летняя куртка? – спрашивает меня.

– Нет, это демисезонная.

– Но она тонкая, – хмурится он.

– На весну и осень – нормальная. У нас тут не Арктика.

– Я куплю ей новую одежду, – заявляет Паша.

Я лишь пожимаю плечами. Пусть делает, что хочет. Лишь бы не заставил Свету выбирать одежду нашей дочери. Вряд ли ей это понравится, да и я не хочу, чтобы она сближалась с моим ребенком.

– Спасибо, – говорю, поднимая сумку.

Паша забирает ее из моих рук. Его запах окутывает меня. Мы стоим слишком близко. Я невольно делаю шаг назад. Не стоит забывать: у меня есть жених, у него есть невеста.

– Но не надо? – шутливо улыбается он.

– Нет, Островский. Ты ее отец – можешь покупать все, что тебе захочется, – пожимаю плечами.

Понимаю, что ревновать и решать, как вести себя Паше по отношению к дочери, не имеет смысла. Пусть делает что хочет.

– И тебе? – прищуривается Паша.

Я замираю. По телу пробегают мурашки от потемневшего вмиг взгляда Островского.

Внизу живота тяжелеет. Я вновь реагирую на бывшего.

Паша подходит ближе. Нервно сглатываю комок, застрявший в горле.

– Я сама могу купить себе все, что мне надо.

– Или твой жених? – цедит Паша.

То и дело его взгляд возвращается к кольцу.

– А это имеет значение? – отвечаю в том же тоне.

Понимаю, что внутри все бурлит. Будто там медленно разливается жаркая лава. Я не могу остановиться первой в споре с Островским.

– Нет, – Паша взвешивает сумку на руке. – Все собрала?

– Да, поехали, – хрипло отвечаю я.

Но только вместо того, чтобы пропустить меня к дверям, Паша подается вперед.

Его губы оказываются совсем близко с моими. Горячее дыхание опалает меня.

Нахожу в себе силы остаться невозмутимой. Просто стою и смотрю на него. Ровно, бесстрастно.

– Не надо. Не порти все, – говорю тихим тоном.

Паша отстраняется и как-то странно смотрит на меня. Я обхожу его и направляюсь к двери.

Ну нет. Мне сюрпризов не надо. Пусть он играет в эти игры с невестой. А я у него дома точно буду закрываться на ключ.

* * *

Обратная дорога кажется в два раза короче.

В этот раз Паша не молчит. Зачем-то рассказывает, что Марина приходит по выходным, когда он берет Лельку. Эта женщина убирает, стирает, готовит, чтобы дочь ела домашнюю кухню, а не суррогат в коробочках. Заодно она может и няню заменить, если ему нужно куда-то отлучиться.

Я немного нервничаю. Ощущение, что Паша рассказывает это лишь бы не молчать. А мне совсем не до светской беседы.

Лелька и раньше оставалась с чужими людьми. С моей подругой, с воспитателем в проленке, с приходящей няней. Но во всех случаях она была здорова. А сейчас ей плохо, она больна. Случись что, как чужой человек узнает, чем ей помочь?

Эта Марина элементарно не догадалась сварить ей бульон! И Паша тоже молодец. Чем бы он кормил ребенка, если бы я не приехала? Страшно подумать об этом!

Ладно, я с ним позже поговорю. Все-таки Лелька ни разу не жаловалась на эту Марину. Может не все так плохо, как я уже напридумывала себе.

Паша что-то еще говорит. Иногда посматривает на меня, но я больше молчу или отделиваюсь общими фразами. Смотрю в окно на пробегающий мимо город и думаю, что нужно было сесть на заднее сиденье. Тогда меня бы не так сильно волновал его запах.

Эти духи... Почему он даже спустя столько лет пользуется ими? Неужели так сильно нравятся?

Хочу спросить, но вовремя останавливаю себя. Не надо ворошить прошлое. Хватит того, что его запах навеивает воспоминания.

Я вдруг вспоминаю подобный эпизод восьмилетней давности. Зима, густые сумерки, шоссе. И мы с Пашей в машине вдвоем, летим по трассе мимо сияющих витрин и огней. Для полного сходства только не хватает, чтобы из магнитолы звучала “Технология”.

Точнее, она уже звучит. В моей голове:

“Полчаса на то, чтобы быть вдвоём
Чтобы позабыть, что такое дом
И ночной асфальт скоростных дорог
Променять на прибрежный песок...”

Забывшись, не сразу понимаю, что тихонько напеваю под нос. А Паша смотрит на меня, и от его взгляда меня бросает то в жар, то в холод.

Резко замолкаю и отворачиваюсь.

– Тебе до сих пор нравится эта песня? – хрипло спрашивает он.

“Тебе до сих пор нравится этот парфюм?” – рвется с языка, но я прикусываю губу и молчу.

– А помнишь, когда мы ее услышали первый раз? – продолжает Паша. – По радио, когда ехали в Степновку, знакомиться с твоими родителями. Мы еще всю дорогу спорили, где лучше жить, в городе или в селе. И под конец сошлись на решении, что хорошо жить в городе, но иметь дачу. Небольшой домик, где-нибудь в тихом месте, возле речки...

От этих слов начинает сердце колоть.

Небольшой домик, чтоб ездить туда с детьми.

Вот зачем он вспомнил об этом? Чтобы мне стало больнее?

– Танюш...

– Не надо, – мой голос сипит, будто я внезапно простыла. Но я просто пытаюсь скрыть подступившие слезы. – Все это в прошлом.

Мы приезжаем, когда за окном уже совсем темно. Свет сам собой вспыхивает при каждом нашем шаге. По памяти иду к комнате, где должна спать Лелька.

Дочка все еще в кровати. Лежит с закрытыми глазами, то ли спит, то ли слушает мультфильм, который включен на телевизоре.

– Мамочка, ты вернулась, – голосок звучит очень слабо.

Я быстро сажусь рядом с ней. Касаюсь лба.

Щеки горят, опять температура поднялась.

Смотрю на Пашу, который зашел следом за мной.

– Мне нужен градусник, – говорю ему.

Он кивает на тумбочку рядом с кроватью. Она завалена лекарствами. Градусник тоже там. Дорогой, бесконтактный. Подношу его ко лбу дочери. Так и думала, уже тридцать девять!

– Надо сбивать, – вздыхаю. – Звони врачу еще раз. Что-то все эти лекарства не помогают.

– Вряд ли они могут помочь за один день, – ворчит Паша, но послушно достает телефон и выходит.

Веки дочки подрагивают, она медленно открывает глаза. Смотрит сонным взглядом на меня. Белки красные.

– Как ты, зайка? – спрашиваю ее.

– Горло болит.

– Ничего, сейчас еще пополощем и молочко поьем. Ты спала?

– Угу... один раз проснулась, пить захотела. Пошла на кухню, а там никого нет.

– А где же Марина была? – хмурюсь я.

– Не знаю. Куда-то ушла, наверное.

– Ладно, я с этим разберусь. А сейчас давай выпьем лекарство.

Даю ей жаропонижающий сироп.

Она начинает сползать с кровати.

– Куда ты? Тебе лежать надо!

– Я писать хочу, – бухтит она.

Мне остается только помочь ей встать. Хорошо, что у Паши в квартире туалет есть при каждой спальне.

Марина на кухне. Паша что-то говорит ей, когда я туда выхожу.

– Что есть на ужин? – спрашиваю.

– Сегодня рататуй, заливной пирог и греческий салат, – рапортует она.

– Не думаю, что это подойдет больному ребенку, – качаю головой. – Какие продукты есть? Я сама приготовлю.

Марина вопросительно смотрит на Пашу. Тот пожимает плечами:

– Смотри сама. Если что-то нужно – закажем.

Я быстро осматриваю шкафчики на кухне. Так, есть манка, есть овсяные хлопья... Манка у меня получается просто ужасно, сплошные комочки. Вряд ли Лелька сейчас способна на такой подвиг. Так что оставим ее на утро.

Паша отпускает Марину, а сам садится за стол. Молча наблюдает, как я достаю небольшой ковшик, грею молоко, заливаю овсянку. На его лице блуждает странное выражение. Он то хмурится, то вдруг улыбается. Хотелось бы знать, что за мысли бродят в его голове.

Или нет.

Не хочу это знать.

Кормлю дочь, даю ей лекарства. Потом она пьет молоко с медом и содой, полощет горло. Наконец, все ритуалы окончены, я укладываю ее спать. К этому времени жаропонижающее подействовало, Лелька уже не такая больная на вид, требует свой планшет.

– Мамочка, а ты останешься? – спрашивает она, когда я подтыкаю ей одеяло.

– Конечно, милая. Куда я денусь? – целую ее в лоб. – А теперь спи.

– Но я не хочу, – отвечает она, немного взбрыкнув.

– Надо, милая. Детки во сне лечатся.

– Но я уже спала. Я пока не хочу.

– Тогда пусть не спит, – вставляет Паша. – Пусть уснет, когда захочет.

Я кидаю на него быстрый взгляд.

– Ладно, но не долго, – сдаюсь.

Может и правда, пусть немного пободрствует.

Лелька довольно кивает.

– Только не вставай, хорошо? – продолжаю я.

– Хорошо, мам. Я поиграю, – она включает планшет.

– Мы пока обустроим маму, – подмигивает ей Паша.

– Ура, – радостно отвечает Лелька.

Я же краснею. Если со стороны посмотреть – мы прямо идеальная семья. Ага. Только у каждого из нас есть пара. Куда уж идеальнее.

Паша жестом показывает, чтобы я шла за ним. У меня по телу пробегают мурашки.

– Красивая квартира, – говорю, следуя за Островским.

Пол с отоплением. Панорамные окна, светлые стены. Мебель тоже в основном светлых тонов. Я даже представляю, как будущий ребенок Паши будет здесь все обрисовывать. Вот Лелька в детстве любила на стенах рисовать. Представляю, как бы она тут разошлась.

И вновь сердце сжимается от боли. Это все могло быть у нас, нашим, общим...

– Вот твоя комната, – Паша останавливается так резко, что я едва не врезаюсь в него.

– Хорошо, спасибо, – говорю с легкой с хрипотцой.

Мы смотрим друг другу в глаза. Его взгляд непроницаемый, темный. Не понять, что он думает.

– Завтра отвезу тебя в клинику за больничным. В офис ехать не нужно, я уже позвонил Игорю, обрисовал ситуацию. Курьер привезет бумаги домой.

Я усмехаюсь. Все же это очень удобно, когда твой начальник – друг отца твоего ребенка.
– Спасибо.

Прохожу в комнату первой. Осматриваюсь.

Почти все пространство занимает большая кровать, застеленная фиолетовым бельем. Немного броско на мой взгляд, но ничего. Главное, что есть на чем спать. Одна стена – сплошное окно, вторую занимает зеркальный шкаф-купе. В третьей – приоткрытая узкая дверь. Сквозь щель виден санузел и краешек душевой кабины.

– Нравится? – спрашивает Паша.

Он стоит на пороге и наблюдает за мной.

– Да, неплохо.

– Хорошо, обустраивайся. Если что-то нужно, то обращай ко мне или Марине, – продолжает Паша.

– Пока ничего не нужно. Все есть.

– Хорошо, – он смотрит на часы, – можем поужинать вместе, потом мне надо уйти.

Сердце ёкает. Наверное, к Свете.

– Надолго? – спрашиваю с деланным безразличием.

– Как получится. Ладно, я в душ, потом буду ждать тебя за столом.

Паша уходит.

Я же остаюсь в комнате. Пытаюсь отвлечься от его последних слов. Разбираю вещи и складываю их в шкаф. Понимаю, что личная жизнь Паши не должна меня волновать. Но волнует!

Под конец обнаруживаю, что телефон разрядился. А зарядку я не взяла. Обыскала сумку два раза. Ни зарядки, ни настройки. Придется просить у Паши. Хотя...

У него же айфон! Вряд ли он мне чем-то поможет. Но все же...

Выхожу из комнаты.

Так, и где искать Пашу? Не кричать ведь на всю квартиру?

Выхожу обратно в гостиную, размышляю: тут – кухня, тут – Лелькина комната... Может там?

Стучу в закрытую дверь. Никто не отвечает. На свой страх и риск дергаю ручку.

Дверь легко поддается, я едва не влетаю через порог.

Успеваю притормозить. И застываю, не зная, куда деть глаза.

Посреди комнаты стоит Островский. Спина ко мне. В чем мать родила.

Глава 5

Обалдеть! Не вовремя я вошла...

И вроде надо уйти, захлопнуть дверь с другой стороны, пока он меня не заметил. Но я стою как истукан и пялюсь на Островского. Капли воды стекают по его мощной спине, очерчивая линии мышц...

Паша медленно оборачивается. Окидывает меня чуть насмешливым взглядом.

Я отмираю. Пытаюсь нащупать за спиной дверную ручку.

– Танюш? Что-то случилось? – голос Паши звучит как мурлыканье большого кота. Вот уж кого стыд не берет!

Я нервно сглатываю. Таращусь ему в переносицу, лишь бы не опускать глаза ниже пояса, но мой бесстыжий взгляд то и дело устремляется туда. Еще и Островский гад, хоть бы прикрылся, так нет! Стоит и красуется передо мной. Аполлон недоделанный!

– Все нормально, – мой голос звучит как-то сдавленно. – Хотела попросить зарядку, но вижу, что не вовремя. Я пойду...

– Подожди, – останавливает Паша. – Где-то валялась универсальная. Наверное, в джакузи бросил, пошли, вместе поищем.

И он с самым серьезным видом претя к дверям.

– Эй, а прикрыться? – немного нервно взвизгиваю я. – В доме ребенок! И домработница!

На лице Островского появляется улыбка. Этот гад еще и грудь выпячивает, мол смотри, Танечка, какой я красавец!

– Извращенец! – не могу сдержать возмущения.

Пусть лучше думает, что я злюсь, чем поймет, как это меня взволновало. Спустя столько лет снова видеть его обнаженным – своего единственного мужчину. Чувствовать, как горят пальцы и ладони от желания прикоснуться к нему. Как немеют губы от вида его гладкой кожи и воспоминаний, какова эта кожа на вкус...

Я маньячка... Безнадёжно больная...

А он – единственный мужчина, которого я видела голым. Ну, не считая актеров в кино.

– Да, конечно, – усмехается Паша и тянется к полотенцу, лежащему на кровати.

Оборачивает его вокруг бедер и подходит ближе. От него пахнет все тем же парфюмом. На миг не выдерживаю, закрываю глаза. Чувствую, что он наклонился. Его дыхание касается моей кожи.

– Иди за мной, – говорит он мне прямо в губы.

По телу пробегают мурашки. И вот почему я раньше не вышла из его комнаты? Почему застыла на месте – саму себя не пойму.

Открываю глаза. Утыкаюсь в Пашину грудь. Завороженно смотрю на его татуировку. Я уже видела ее в тот день, когда он переодевался для игры в пейнтбол. Но тогда я не придавала ей значения, меня волновало другое. А сейчас в голове всплыли слова про его армейское прошлое. Наверное, и татуировки (одну на груди, а вторую на плече) он сделал в то время.

Время, ради которого бросил меня.

Это отрезвляет лучше пощечины.

Отвожу взгляд и морщусь.

У меня есть Леша – напоминаю себе.

И меня передергивает. Просто от попытки представить Алексея голым, в постели со мной. Нет, я пока к этому не готова...

– Неужели так плохо выгляжу, что ты строишь кислую мину? – ворчит Паша, возвращая меня в реальность.

Мысли о Леше улетучиваются из головы.

– Нет. Возраст тебе идет, – едва нахожу что сказать.

– Эй, я не настолько старый, – Паша поигрывает грудными мышцами. – Еще в самом соку!

– Ага, я заметила, – стараюсь, чтобы голос звучал скучающе.

Пусть не думает, что мне не с кем сравнить. А то лопнет от гордости.

– Да ладно, смотри, не стесняйся. Я не жадный.

Он что, издевается?!

– Хватит паясничать, Островский, – в упор смотрю на него. – Скажи, где зарядка, и я сама ее найду.

– Паша. Называй меня дома Пашей, – он становится вмиг серьезным. – И сама ты тут заблудишься.

Его глаза темнеют, когда он обводит меня взглядом.

– Ну так веди, Островский, – сухо, отвечаю ему.

Паша прищуривается.

– Решила поиграть со мной?

– Ни в коем случае. Чем быстрее ты дашь мне зарядку, тем быстрее я оставлю тебя наедине с зеркалом, и ты продолжишь восхищаться собой!

Ловлю себя на мысли, что мне это нравится. Вот так подтрунивать над ним. Будто не было между нами разлуки, не было обид и непонимания. Будто мы все еще вместе...

– Правильно, все равно проиграешь, – подмигивает Паша и показывает на выход.

Я фыркаю, но послушно иду за ним.

Пресловутая джакузи оказывается отдельной ванной комнатой, такой большой, что там, помимо огромной емкости для купания, есть этажерки, напольные вазы с живыми цветами, и пара обтянутых белой кожей диванов и стеклянный кофейный столик.

Не могу сдержать восхищенного взгляда. Сама джакузи огромна, целый бассейн в мини-атюре.

Нужная мне вещь торчит из розетки рядом с диваном. Подхожу к ней, выдергиваю и замираю.

Потому что Паша стоит прямо за спиной. И если я сейчас разогнусь, то прижмусь спиной к его голой груди!

– Понравилось? – говорит он мне на ухо голосом искусителя. – Могу налить тебе водички.

– Спасибо, но мне хватит душа.

Мне удастся вывернуться так, чтобы не коснуться его. Но теперь я стою, прижавшись спиной к стене и прижимая зарядку к груди. Паша упирается руками в стену по обе стороны от моих плеч, усмехается.

– В душе вдвоем неудобно. Давай джакузи налью, потру тебе спинку.

– Три спинку своей невесте.

Это звучит слишком резко и с головой выдает мои чувства.

– Как ты трешь своему жениху? – цедит Паша сквозь зубы.

Его тон становится зловещим. До дрожи, до мурашек.

– А вот это тебя не касается, – прячу взгляд.

– Как тебя не касается то, что мне делать с моей невестой.

– А я и не претендую! – шиплю, ощущая желание причинить ему боль. Вскидываю подбородок, смотрю прямо в его глаза. – Наоборот, мне ее жаль. Тебе же не привыкать бросать беременных женщин? Интересно, она хоть в курсе, где ты сейчас? И что ходишь голым перед бывшей сотрудницей?

Пальцы Паши сжимаются в кулаки. Мое тело пронзает дрожь.

Он опять нападает на меня. Неужели ударит?

Нет. Замирает. Дышит тяжело, кулаки то сжимает, то разжимает. А у меня в висках пульс грохочет как взрывы салютов.

– Я со своей невестой сам разберусь, – наконец, угрюмо бросает Паша и отступает от меня. – Приятной ночи.

– Спокойной ночи, – возвращаю дрожащим голосом.

А он продолжает смотреть. В его взгляде бушует такой сумасшедший коктейль, что едва могу устоять на ногах. Этот взгляд обжигает меня. Заставляет все нервы сжаться в комок.

– В следующий раз стучи, – говорит он, лишь бы последнее слово осталось за ним.

И уходит.

Выдыхаю. Ноги не держат. Я сползаю по стене прямо на пол, обнимаю колени и утыкаюсь в них носом. На глаза набегают слезы.

Кто бы знал, что это будет так тяжело?

Дожидаюсь, пока хлопнет дверь – это значит Островский зашел к себе в комнату. Подождав для верности еще пару минут – быстро возвращаюсь к себе. Ставлю телефон на зарядку. Принимаю душ, надеваю пижаму, состоящую из штанов и футболки с длинным рукавом. Затем проверяю дочь.

Лелька спит, ее лоб уже не горячий, щеки не красные. Это хоть немного, но позволяет мне успокоиться. Я понимаю, что ангина за день не пройдет, но если температура больше не будет подниматься, то и лечение пойдет быстрее.

Но меня все равно беспокоит, что сюда в любой момент может приехать Света и увидеть, что я здесь живу. Зная ее характер... Ой нет, лучше об этом не думать, а то вообще не усну...

Ложусь на кровать. Стоит только включить телефон, как раздается сигнал сообщения. Это от Леша.

“Как ты там? Вам точно помощь не нужна? Скажи, что нужно купить. Я все привезу!”

Сообщение было отправлено два часа назад. Следом прилетело еще несколько со все нарастающим беспокойством.

Я морщусь и тут же улыбаюсь. В груди расплывается тепло.

Все же приятно его забота о нас.

“Спасибо. Ничего надо” – набираю текст.

“Что случилось? Почему так долго не отвечала?” – тут же приходит ответ.

“Телефон разрядился”.

“Заехать за тобой завтра?”

“Нет. Я же на больничном буду”.

“Тогда привезу продукты. Раз ты на вынужденном карантине”.

Стискиваю телефон.

Не знаю, как объяснить жениху, что меня нет дома. Не хочу говорить, что осталась у бывшего. Леша точно такого отношения не заслуживает. Но и врать ему не хочу.

Я запуталась...

Быстро печатаю:

“Хорошо, только давай после работы”.

Он соглашается. Я откладываю телефон и выдыхаю: рабочий день до шести. К этому времени придумваю что-нибудь.

* * *

На следующий день Лельке немного лучше. С утра приходит врач, а потом Паша, несмотря на мои протесты, везет меня в офис. Больничный надо ведь отдать.

– Как все сделаешь, позвони, – говорит Островский. – Я скажу водителю тебя отвезти.

– Не надо, я сама доберусь.

– А давай без “не надо”? – он хмуро смотрит на меня.

– А давай без “давай”? – отвечаю ему в том же тоне. – Я взрослая девочка.

– Таня!

– Ой, смотри, твоя невеста идет!

Сделав глаза в пол-лица, тычу пальцем ему за спину.

Он, разумеется, тут же резко оборачивается, а мне только это и нужно. Быстро забегаю в лифт и нажимаю кнопку.

Островский остается в холле. Никакой невесты там не было и в помине, но ему полезно вспомнить о ней.

Лифт доезжает до нужного этажа. В отделе кадров отдаю готовые бумаги. Невольно прислушиваюсь к разговору коллег:

– С первого по девятое отдыхаем, девочки. Я уже путевки в Египет взяла, – хватается одна.

– Ой, да что тот Египет! – возражает вторая. – Наш Белецкий на Маврикий собрался. Вот бы тоже там побывать!

Она мечтательно жмурит глаза.

– С Белецким что ли? – насмешливо фыркает третья. – Забудь, место уже занято.

– Ты о чем?

Теперь первые две жадно смотрят на третью.

– А вы не в курсе? – она горделиво поправляет бейджик и выпячивает грудь. – Я сама им все оформляла. Бизнес-класс на четверых и два люкса на берегу. Наш едет с Павлом Островским, его невестой и еще там какая-то девка. Имени не запомнила.

У меня нервно колотится сердце.

А чего я хотела? Что Паша бросит все и проведет праздники дома? Он и так заботится о дочери больше, чем я ожидала. Нельзя забывать, что у него другая семья и своя, личная жизнь.

Но стоит подумать, что он целых девять дней проведет со своей невестой, и у меня темнеет в глазах.

Не могу представить, как он целует ее, обнимает... как гладит ее живот... радуется будущему малышу...

Нет, я не ревную. Пусть уезжает. Я хоть точно буду уверена, что мне не придется столкнуться со Светой в его квартире.

День провожу с дочерью, а к шести часам вызываю такси и еду домой.

Едва успеваю разминуться с Пашей. Он мне раз десять звонил после того, как я от него убежала. Но я решила просто не отвечать. Не бередить себе душу.

В машине настраиваюсь на встречу с женихом. Думаю, что буду врать, если он спросит про Лельку. В понедельник вечером она должна быть дома. Как я объясню ее отсутствие? Если скажу, что она заболела и осталась у отца, Леша сразу поймет, что я тоже не дома ночую.

– Вот, я тут вам фрукты купил, – говорит Леша немного смущаясь. – Взял всего понемногу.

Я едва успела залететь в квартиру до его приезда и натянуть халат прямо поверх костюма.

– А это тебе, – он протягивает букет холодных, пахнущих морозом лилий.

– Спасибо, – слегка оторопев, принимаю букет. – А что за праздник?

– Так сегодня Сочельник.

Он входит в квартиру, хотя изначально я не собиралась его впускать. Но как не пустить, когда он... с цветами?

– В смысле Сочельник? – силуюсь сообразить о чем речь. – Он же вроде в январе?

– Ну, то православный, а сегодня католический, – Леша подмигивает.

– А ты католик? – с подозрением смотрю на него.

Ну а что? Вдруг он такой стеснительный потому что верующий?

– Нет, – Леша смеется, – просто к слову пришлось. Ты же хотела повод? Вот тебе повод. В пакете, который он относит на кухню, лежат апельсины, манго, хурма, виноград и два больших ананаса.

– Это же стоит целое состояние! – возмущаюсь я, хотя мне приятно. – Не надо было так тратить!

– Успокойся. Деньги для того и нужны, чтобы их тратить.

Сглатываю комочек...

Наклоняюсь над пакетом, чтобы выложить фрукты, и чувствую, как Леша подходит сзади ко мне. Замираю натянутой струной. Обнимет или нет? Ох, зачем я его пустила? Мы же здесь совершенно одни!

– Ты одна? – он будто слышит мои мысли.

– Нет, дочка спит, не шуми, – ложь так легко слетает с моих губ, что я сама себе удивляюсь.

– Побывать с тобой?

Леша стоит очень близко. Дышит в затылок.

– Не надо. Еще заразишься.

– Выгоняешь?..

Меня заставляет вздрогнуть звонок телефона. Только секунду спустя понимаю, что это не мой.

Леша выходит в коридор. Слышу его приглушенный голос:

– Да, хорошо. Ну, как договаривались. Нет, еще нет. Не знаю... Ладно, давай потом?

Мне кажется, будто последнюю фразу он сказал с недовольством.

Леша возвращается, а я поспешно делаю вид, что все это время разглядывала ананас.

– Тань...

Оборачиваюсь. Он стоит на пороге кухни и хмурится.

– Тут это... мне надо идти...

– Случилось что-то? – участливо смотрю на него.

– Нет... то есть да... В общем, старый друг позвонил. Просит встретиться.

– Ой, ну иди, конечно, – от облегчения я едва не кидаюсь сама его выпроваживать.

– Ты не обидишься на меня?

– Какие обиды! Я все равно уже собиралась ложиться. Всю ночь не спала.

Он смотрит на меня с сомнением, но все же уходит. И только закрыв за ним дверь я понимаю, что все это время была в сапогах!

Надеюсь, Леша ничего не заметил.

* * *

Когда я возвращаюсь к дочери, дверь открывает домработница. Самого хозяина нет. И я боюсь спрашивать, где он. Потому что знаю: у Светы.

Понимаю, что нет смысла ревновать. Каждый из нас движется в своем направлении.

И все равно сердце болезненно ёкает.

Следующие дни проходят одинаково. Пашу я почти не вижу. Он не ночует в квартире. Приезжает после работы на пару часов, привозит лекарства. А мне все больше смотреть, как он сидит рядом с дочкой, выслушивает ее, смотрит рисунки.

Они так похожи...

– Мам, а мы здесь останемся? – спрашивает Лелька на пятый день.

– Мы не можем здесь остаться. У нас есть свой дом.

– Почему? Папа не будет против. У него большая квартира.

Мы сидим на ее кровати в обнимку. Рядом лежит книга с детскими сказками, которую я читала ей.

– Я же говорила, у него есть невеста, а скоро будет ребеночек.

– Точно. Но ведь она ни разу не пришла сюда и со мной не познакомилась, – выдает Лелька.

– Ну, еще познакомитесь.

– Эх, было бы здорово, если б вы с папой поженились.

– Лель, у нас с твоим папой у каждого своя жизнь. Дядя Леша тоже хороший мужчина.

– Ну не знаю. Мне папа больше нравится, – признается она. – Он красивее.

Я улыбаюсь. Конечно, ее папа красивее. Даже спорить не буду. Но одной красоты слишком мало для жизни.

– Дядя Леша тоже симпатичный, – убеждаю дочь, хотя сама в это не верю. – Тебе нужно просто узнать его поближе. Как ты себя чувствуешь?

– Уже лучше. Мам, но если я выздоровею, то мы вернемся домой?

– Ну да. Некрасиво оставаться так долго в гостях.

– Вот так всегда, – она надувает губы.

– И новый год скоро, а ты заболела. Все утренники пропустила.

– Точно, – тяжело вздыхает дочь. – Зато не надо в школу ходить.

– Эй, тебе же нравится учиться!

– Ну, смотреть мультики целый день тоже нравится.

Я усмехаюсь. И не поспоришь. Мне не так сильно повезло. Хоть и оформила больничный, но через три дня позвонила бухгалтер, попросила взять на себя пару отчетов. Оказалось, что половина отдела слегла с очередным вирусом. Так что работа все равно со мной. И никуда не деться.

* * *

Тридцать первого декабря я жду Пашу с особым волнением. Все-таки Новый год. Он обязательно должен прийти.

Домработница наготовила на целую армию, стол ломится от блюд и закусок. Мне в глубине души нравится, что не пришлось стоять над плитой. Я просто заказала Марине любимые Пашины блюда. Сама не знаю зачем.

Последнее время он приезжал только проверить дочь. Но мы нормально общались, говорили о работе. Иногда он даже оставался на ужин, и тогда мы вместе садились за стол. Все выглядело так по-домашнему, будто мы семья, будто мы в месте все эти годы...

Почему я была уверена, что сегодня он тоже придет?

Не пришел.

Его нет. Даже не позвонил, чтобы поздравить дочку с наступающим.

Сажу за столом в праздничном платье. Смотрю то на пустой бокал, то на часы.

Стрелки неумолимо отсчитывают минуты.

Уже десять...

Ладно, так поздно он не приезжает. Значит, сегодня не мой день. Или вечер.

А Паша наверняка уже празднует со Светой. Провожает старый год...

Точно! Они ведь должны улететь на Маврикий. Как я могла забыть? В офисе говорили об этом!

Он не придет.

Резко встаю, по пути к своей комнате выдираю шпильки из волос, почти сдираю платье. Бросаю его на пол. Какая же я была дура, когда его надевала!

Слезы подкатывают к горлу. Но я не даю им воли. Нет, плакать я точно не буду.

Отвечаю Леше на смс-ку, что встретимся завтра, а сегодня болит голова. Выключаю телефон и иду в душ.

Скидываю белье и встаю под теплые струи.

А в голове сотни мыслей. Не могу перестать думать об этом: где он? Конечно, у Светы. Где ему еще быть?

Пора бы уже смириться, привыкнуть. Но сердце не хочет. Ему так больно в груди...

Дверь ванной со стуком открывается.

Я замираю.

Лелька что ли проснулась?

– Лель, погоди! – кричу, заглушая шум воды.

Но открыв кабинку, натываюсь на Пашу.

Бледного. Взъерошенного. И очень злого.

Откуда он здесь? А как же... Маврикий?

– Ты почему на звонки не отвечаешь? – цедит он, обводя меня бешеным взглядом.

Я едва успеваю прикрыться руками.

– А тебя что, не учили стучать?

– Ну, ты же в прошлый раз не постучалась? – его губы кривятся, а в потемневших глазах вспыхивает что-то темное и очень голодное.

– Выйди! – то ли прошу, то ли приказываю.

Уж слишком страшный взгляд у него.

– Не сейчас, – отвечает он и делает шаг ко мне.

Глава 6

По телу проносятся мурашки. Внизу живота вспыхивают импульсы. Я прикрываюсь руками как могу, вот только Паша сгребает меня в охапку.

– Отпусти, – цепляюсь за его плечи.

– Нет, – повторяет Паша.

Его губы опускаются на мои. Наши губы сливаются в неистовом поцелуе. Язык Паши скользит внутрь. Сталкивается с моим. Они начинают кружиться в танце. По телу пробегают горячие импульсы. Каждая клеточка словно вспыхивает и горит.

Паша подхватывает меня под попу, заставляя обвить себя ногами. Мы продолжаем целоваться. Я понимаю, что так нельзя. Но не могу остановиться и его не хочу останавливать.

Не сейчас. Не тогда, когда он так близко.

Внутри меня будто рвется струна. Напряжение отпускает – и я уже без всяких мыслей отдаюсь своему мужчине.

Его власти. Его рукам. Его желанию.

Паша целует жадно. Прижимает меня к стене. Благо тут полно пара, не успевшего остыть. Так еще и вся кожа горит. Да что там горит! Так жарко мне не было еще никогда. Мое тело откликается на ласки так остро, что кружится голова. Я безумно хочу Островского. Всегда хотела. Просто запрещала себе думать об этом.

Пашины руки скользят по моему телу. Сжимают грудь и спускаются ниже.

Я выгибаюсь в его руках.

– Танюша. Моя, – шепчет он хрипло мне в шею. – Хочу тебя.

– Нам нельзя, – отвечаю ему, а сама со стоном подставляюсь под его ласки.

Да, даже сейчас я помню, что у него беременная невеста, и что у меня есть жених. Только эти мысли не отрезвляют, наоборот. Я слишком слаба рядом с Пашей. Понимаю, что нужно остановить это безумие, но не хочу. Мое тело не хочет.

– Можно. Мы со Светой не пара. Свадьбы не будет, – продолжает Паша и касается самой чувствительной точки моего тела.

Я могу лишь выдохнуть. Не хочу его отпускать. Все чувства и эмоции сплетаются в какой-то странный калейдоскоп из ярких вспышек удовольствия. Но если сейчас позволю ему это сделать, если не оттолкну, то опять буду страдать. Он тоже не отпустит меня просто так. Он будет мучить меня.

Но каким же сладким и горьким будет это мучение. Есть ли силы от него отказаться?

– Паша, – шепчу, а сама цепляюсь за его руки.

Хочу то ли оттолкнуть, то ли прижать еще сильнее. Я не могу уже без него.

– Да, Танюш, – смотрит на меня темным взглядом.

И вновь его губы опускаются на мои. Я скольжу руками по телу Паши, забираюсь под рубашку. Стягиваю ее с него.

Щелкает пряжка ремня. Мокрые штаны падают к нашим ногам. Мы оба голые.

Островский вновь обводит меня взглядом. Пожирает глазами мое тело, изменившиеся за столько лет и после родов.

– Ты очень красивая, – шепчет он.

И вновь обнимает меня. Прижимает к себе.

Целуемся будто голодные.

Вздрагиваю и выгибаюсь, когда мы становимся одним целым. Слезы вмиг появляются в глазах. Так давно не было. Его не было. Если я думала, что смогу быть с кем-то еще, то я ошибалась.

Мы с Пашей – одно целое. Так было всегда. С самого начала. Я не могу без него. Но не знаю, что думает он. Может сейчас, когда я горю в его объятьях, он просто празднует очередную победу, а я – очередной трофеей. Он же всегда был победителем, всегда видел цель и шел к ней по головам...

– Танюша, моя, – хрипло шепчет Паша мне на ухо.

Его поцелуи не прекращаются. Он вновь целует мои губы, лицо, за ухом.

Я плавлюсь в его объятьях. Утопаю в удовольствии, которое он дарит мне. Не могу остановиться. С моих губ срываются хриплые стоны. Тело само подставляется под его ласки.

Царапаю его спину, когда меня накрывает волна удовольствия. В каждой клеточке тела будто вспыхивает фейерверк. Глаза закрываются, но я все равно вижу звезды, уносящие меня на вершину блаженства.

Когда все заканчивается, Паша продолжает обнимать меня. Гладит по спине, целует в макушку.

Я же чувствую себя полнейшим желе. Из головы вылетают все мысли. А он все не отпускает. Будто боится, что я исчезну.

– Это все неправильно, – шепчу, уткнувшись лбом ему в плечо.

– Что, Танюша?

Он поднимает мое лицо пальцами за подбородок.

– То, что мы сделали, – увожу голову в сторону, но Паша не дает. – Так нельзя.

– Все правильно. Так и должно быть, – говорит он, серьезно глядя на меня. – Я же сказал, что мы будем вместе... Ты будешь моей. Всегда была.

Я качаю головой.

– Не выйдет. Слишком много всего между нами.

Он берет мою руку, где все еще есть кольцо, подаренное Лешей.

– согласишься на его предложение? – тихо рычит Паша.

На его лице начинают играть желваки.

– Может, я уже согласилась, – отвечаю с внезапной вредностью.

Сердце екает в груди. Мы поступаем неправильно. Да что там. Мы уже поступили неправильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.